

Последний живой символ

Вы помните, как еще десять лет назад в Ногликах праздновали 9 Мая? Восемь ветеранов Великой Отечественной войны шли, звеня орденами и медалями, во главе праздничной колонны к Памятному знаку. Мы следовали за старыми воинами, подстраиваясь под их небыстрый шаг. Вместе с ними возлагали цветы к Памятному знаку, слушали торжественные поздравления, сами поздравляли и сердечно благодарили фронтовиков за Победу. Но время неумолимо движется вперед, наших героев становилось всё меньше, и всё труднее им было преодолеть этот недолгий путь к вечному огню. И вот пришел день, когда в нашем районе остался всего один боевой ветеран Великой Отечественной – 95-летний Алексей Леонтьевич КРИВЕНКО.

Завтра очередное празднование Дня Победы. Последнему в Ногликах фронтовику Великой Отечественной войны уже не очень хочется принимать участие в митинге. 95 лет – не шутка. Слух уже не тот, и даже операция не смогла вернуть когда-то острое зрение бывшему снайперу. И все же Алексеем Леонтьевичем невозможно не восхищаться: с таким спокойным достоинством он переносит обычные для его возраста хвори. Прямая спина, расправленные плечи – парадный пиджак с медалями сидит на ветеране ладно. Но более всего нас, неизбежных перед 9 мая визитеров (на этот раз – меня и научного сотрудника ногликовского краеведческого музея Ю. Мироновича), радуют его приветливая улыбка и готовность к обще-

нию. Значит, старому воину еще не надоело делиться с земляками воспоминаниями, которые с каждым годом становятся все более ценными. И пусть в «Знамени труда» уже не раз печатались рассказы фронтовика Кривенко, в канун 74-летней годовщины Великой Победы мы предлагаем вам снова погрузиться в события

тех давних суровых лет. Ведь мы знаем: ничто не может быть забыто.

...Алексей Леонтьевич родился 9 декабря 1923 года в небольшом

(Окончание на 2 стр.)

Последний живой символ

(Окончание. Нач. на 1 стр.)

селе Амурской области. Кроме него, в семье было еще четыре ребенка. Родители держали хорошее хозяйство, но в начале 30-х семью Кривенко раскулачили. Алексей Леонтьевич рассказывает, как страшный голод заставил его семью в 1933 году уехать на Сахалин, как долго — целый месяц! — они добирались до Ноглик, и как тяжело было устраиваться на новом месте — тесниться с другими переселенцами в маленьком доме.

Вскоре работающая семья более или менее стала на ноги. Отец устроился лесорубом. Получали по карточкам продуктовый паек и, в целом, не жаловались на жизнь. Мать хлопотала по хозяйству, дети ходили в школу. В 1941 году началась война.

В армию Алексея Леонтьевича призвали 12 мая 1942 года. В Тымовском он прошел обучение на снайперских сборах. Служить парня отправили на заставу Гродеково — пограничную линию между японской и советской частями Сахалина.

Два с половиной года на Сахалине было сравнительно тихо. Люди неустанно трудились. Тыловики день и ночь работали под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!», а военные на границе укрепляли линию обороны. Солдаты строили казармы, рыли траншеи, возводили доты и при этом постоянно готовились к боевым действиям, обучались премудростям ратного дела. Например, Алексей Леонтьевич, кроме снайперского дела, научился налаживать и поддерживать телефонную связь.

Командиром стрелкового батальона, в который попал Алексей Кривенко, был Леонид Смирных. Наш ветеран вспоминает Героя Советского Союза так: «Невысокого роста, крепкий, даже чуть полноватый, но энергичный и боевой. Прежде служил в коннице, и походка у него была чисто кавалерийская».

8 августа 1945-го СССР объявил войну Японии. На материке боевые действия начались 9 августа, на Сахалине — еще через два дня.

Война — это не одни только громкие победы. Алексей Леонтьевич в подробностях рассказывает о том, как прошло его боевое крещение. Накануне официального объявления войны солдаты ночью пересекли границу, чтобы «взять языка».

«Сопровождал нас контрразведчик-ниж, — продолжает ветеран. — Одет не по-нашему, в черном болоньевом плаще, с японской магазинной винтовкой «Арисака». Он отлично ориентировался в местности, хорошо подвел нас к самой вражеской заставе. Там сидела охранная собака — не услышала. Но задание мы провалили. ... Один из нас не справился с наступательной гранатой, поднял шум. Все старания, вся внезапность пропали зря. Японцы открыли огонь из гранатомета, и мы дрогнули, потерялись. Командиру роты Малышеву посекло спину и ноги осколками. Еще один сослуживец Истомин в той схватке лишился глаз. А такой, помню, веселый был парень... Отступали примерно с километр в смутении, пока не опомнился наш старшина. Он заставил нас собраться с духом. Вернулись, отбили израненного Малышева. Потом из его тела извлекли 64 осколка».

А затем случился тот знаменитый прорыв Котона. 11 августа передовые части 165-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Анатолия Дьяконова начали продвижение к Хара-

митогскому укрепрайону. Капитан Леонид Смирных решил обойти форт со стороны заболоченной поймы реки Поронай, чтобы проникнуть в тыл и обеспечить огневую поддержку основным силам с фланга. Действовать приходилось в тяжелых условиях: бойцы пробирались по кустам, часто по пояс в воде. Но маневр удался — японское командование считало данный путь

непроходимым и не ожидало атаки с этой стороны. Ночью подразделение ворвалось в гарнизон и в ожесточенной схватке разгромило его.

Дальше, решительно продвигаясь на юг, батальон уничтожил крупный оборонительный пункт, прикрывавший железнодорожный мост, ликвидировал 18 дзотов противника. Бои шли упорные, кровопролитные. По признанию ветерана, японцы умели стрелять, потери с нашей стороны оказались велики. И все же советских солдат было не остановить.

К вечеру 12 августа 165-й стрелковый полк подошел к переднему краю главной полосы Харамитогского укрепрайона и вместе со 157-м стрелковым полком, следовавшим во втором эшелоне дивизии, начал штурм. В авангарде находился батальон капитана Смирных.

Бой за город и станцию продолжался двое суток. К вечеру 15 августа советские бойцы полностью овладели Котоном. Путь к освобождению Южного Сахалина был открыт. А утром 16 августа японский снайпер убил капитана Смирных. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1945 года «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японскими милитаристами и проявленные при этом мужество и героизм» Смирных Леониду Владимировичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза с награждением медалью «Золотая звезда» и орденом Ленина. Потом в честь храброго комбата на Сахалине назвали посёлок городского типа Смирных, станцию и посёлок Леонидово.

Солдаты ожидали, что их парходами направят на Хоккайдо — были и такие разговоры. Но война на Сахалине закончилась быстро. Уже к концу августа японские войска повсеместно капитулировали. Часть отправилась в Корсаков, а оттуда парходами — в Александровск-Сахалинский. «Построили нас в шеренги по восемь человек и повели на площадь, где проходил парад Победы. А мы в таком неподходящем виде — потрепанные, грязные. В чем воевали, в том и приехали. Стыдно было перед сверстниками, особенно стеснялись девушек. Прятались от них как могли», — несколько сконфуженно смеется Алексей Леонтьевич.

Наступило мирное время. Советские граждане начали обживать южную часть острова и Курилы после прежних хозяев. Мужчины с фронта возвращались в свои семьи. Страна оплакивала погибших, пропавших без вести... Горе не обошло стороной и семью Кривенко. Отец семейства, Леонтий Михайлович, погиб в сражениях у Харамитогского укрепрайона.

Алексей Леонтьевич вспоминает, как устраивал свою жизнь после Победы. Первую пару лет он еще продолжал военную службу в ногликском 76-м отдельном стрелковом батальоне. Интересно, что в наш поселок Кривенко пришел пешком. Для него, надо сказать, такие долгие походы были не в новинку. К примеру, за те годы четыре раза на своих двоих преодолевал путь от города Александровск-Сахалинский до Победино, а это около 130 км по бездорожью.

«Я вышел из Дуэ, дошел до Александровска и там получил паек аж на десять дней. Двигался по железной дороге. Была в ту пору линия от Александровска до Тымовского, по ней возили продукты солдатам, — рассказывает Алексей Леонтьевич. И делится одним небольшим эпизодом из своей памяти, иллюстрирующим,

как тяжело жилось в военное и послевоенное время даже в нашем, относительно спокойном краю. — Дошел до станции Альбы, помнится, уже в темноте. А там горит один-единственный огонек в оконце на весь населенный пункт. Постучал, вошел. Гляжу: небольшая нары, а на них пять ребятишек. Женщина сидит, сено в печь подкидывает. Попросился переночевать. И какой тогда отзывчивый народ был, удивительно! Сейчас бы сказали, что бродяга, прогнали. А тогда хозяйка и слова против не молвила. Дала лавочку, позволила устроиться в другой комнате. А там холод собаки, на стенах — толстая корка наледи... Утром встал, а хозяйке и меня, и детей накормить нечем. Пусто дома, хоть шаром покати».

Демобилизовался Алексей Леонтьевич в 1947 году, имея медали «За отвагу» и «Победу над Японией», благодарность от Верховного главнокомандующего Сталина. Всю долгую гражданскую жизнь он провел на Сахалине, в Ногликах. Здесь работал в связи, в торговле, леспромпхозе. Ветеран вспоминает, что потом был хорошим, метким охотником — мог со стареньким ружьем и парой патронов добыть двух куропаток.

Под конец нашей беседы мы попросили Алексея Леонтьевича поздравить ногликцев с наступающим Днем Победы, и фронтовики от всей души пожелали всем-всем землякам самого главного — мира и здоровья.

Напоследок хотелось бы привести крылатое выражение «Я удивляюсь — значит, я живу». Последнему боевому ветерану нашего округа — 95 лет, но он до сих пор не утратил интереса к жизни, доброжелательного отношения к окружающим и способности удивляться. Алексей Леонтьевич признается: его изумляет, каких немислимых технологических высот достигло на его глазах человечество. А еще он придерживается самого лучшего мнения о молодых людях, считая их грамотными и умными.

Мы не стали возражать старому воину. Пусть Алексей Леонтьевич Кривенко, последний живой символ нашей Победы, до конца своей славной жизни остаётся с верой в то, что мы достойны их — поколений победителей. И значит, они воевали не зря.

Зоя СЛЕЖАКОВА